



## ЭТЮД О В. БЫХОВЦЕ

Владимир Быховец рано ушел из жизни. Все его сочинения вместились в маленькой книжке, выпущенной Ставропольским издательством уже после его смерти под названием «Земные радости».

«Земные радости» — так хотел назвать автор свой роман об эпохе и людях 30-х годов. Но все, что он успел написать, собственно, тоже о радостях земных.

В сборнике две повести и три рассказа. Мало. И в то же время — много. Потому что написаны они рукою поэта.

Прочитав его книгу, невозможно отложить ее небрежную рукою. Ты чувствуешь, что прикоснулся душою к явлению интересному и сложному.

Пожалуй, секрет притягательной силы В. Быховца с своеобразием его мироощущения. И в умении тонко передать это мироощущение читателю.

В книге Быховца нет и следа тенденциозности в худшем понимании этого слова. Ни в повестях, ни в рассказах В. Быховца нет, казалось бы, ни слова о сегодняшнем дне. «Светлое поле» — историческая повесть, «Юня» — автобиографическая повесть о детстве; то же — и в рассказах. Но почему же читаешь их с таким интересом?

Секрет обаяния «Юни» еще

как будто понятен: детство — золотая пора жизни человека, ему всегда приятно вспомнить о ней, остановиться на миг в суете быстротекущей жизни и полюбоваться видениями из той далекой и неповторимой поры, когда каждая подворотня хранила тайну... И все же дело далеко не в этом.

Есть фразы, которые клинописью врезаются в память. Есть такая фраза и в «Юне»: «В детстве у меня было детство». В ней — ключик к тайне «Юни». Выходит, детство-то бывает не у всех. Но если, как всегда, подумать строго, то с этим согласишься и тогда поймешь ту грустную радость, которая пронизывает эту маленькую трагическую повесть, радость этого утверждения: «В детстве у меня было детство». «И когда я вспоминаю его — прекрасное утро своей жизни — передо мною встает синеглазая Юня с пышной короной из орлиных перьев на белокурых волосах», — продолжает автор.

Синеглазая, светлая Юня, девочка, мечтающая быть, как Водопьянов, девочка — поэт, хотя стихи ее еще нельзя назвать стихами: она просто задыхается от красоты огромного мира, не вмещающегося в ее сердце, и не может говорить, как все... Юня сродни фраерма-новской Тане, дикой собаке Динго... Юня погибла. Смерть ее нелепа. (Хотя, впрочем, смерти-то и не было бы, не будь

Юня Юней). Но так понятно, почему, «прекрасное утро жизни Олега Багрянцева (так зовут героя повести) сливается с образом этой девочки «с фиалковыми глазами...» И не погибни Юня, как знатв, может быть, иным было мироощущение автора...

Легкая тень печали чувствуется в повести с первой до последней строки ее. И не только в «Юне». Читая рассказ «У лукоморья дуб зеленый...», тоже ощущаешь, как острые иголочки печали впиваются в сердце. Мудрая печаль, тревога раздумий. И та же тревога, тревога раздумий, охватывает тебя, когда читаешь историческую повесть «Светлое поле», ставропольскую быль «Пастух и хозяин» и более близкую нам по времени «Первую борозду». Одна-две фразы вносят эту тревогу. В рассказе «У лукоморья дуб зеленый» неожиданный перелом в настроении создает концовка. Поведав о радостях и горестях людей, которым приходилось плечо к плечу «завоевывать дни», будь то строительство электростанции или санатория, автор кончает рассказ так: «О нашем санатории краевая газета напечатала всего несколько строчек. У заметки, правда, был красивый заголовок: «Медицинское чудо»! Не в медицинском ведь чуде дело... И эта грусть от мысли, что не поняли главного — чуда души человеческой — делает рассказ песней во славу одержимых, которые и во сне продолжают «строить и украшать». Это делает вдруг небольшой рассказ емким.

Этот же прием и в рассказе «Первая борозда». Весна сорок

третьего года. У колхозников горе: добыли они семена, получили в районе трактор, но тракторист нарвался на минное поле. И тогда на помощь колхозникам пришли танкисты. Они, «как по команде, отвернули орудийные башни назад стволами» — танки вышли в поле. «Был в этом особый смысл: наверное, впервые за свою историю панцирные машины делали противоположное тому, для чего придумали их заморские мастера». Можно было бы на этом поставить точку. В. Быховец заканчивает рассказ иначе: «Многое из пережитого в военные годы потускнело в памяти. Забывается, как ходили мы сквозь шквал зенитного огня бомбить немецкие переправы, как тянул я подбитую машину на аэродром, как выковыривали меня из горящего самолета, как лежал в госпитале и не думал, что выживу... А вот первую танковую борозду забыть не могу. И чем дальше, тем ярче и ярче вижу эту картину...» И читатель за скупыми строчками, казалось бы, беспристрастного повествования видит умудренного жизнью, думающего человека. Но иногда его думы Еырываются наружу — и тогда мы слышим голос публициста, как в «Юне»: «У меня растут дети. В их домашней библиотеке есть и Ершов, и Пушкин, и Андерсен... и многое другое. В свое время я мог только мечтать об этом!.. В потоках прекрасных книг,— уже в этом!— я вижу, как богатеет, как хорошеет моя Родина...»

Но такие открыло публицистические нотки у В. Быховца редки. Раздумья автора, его

беспокойная, мятущаяся мысль глубоко спрятаны в ткань его произведений. Возникает такое ощущение, будто имеешь дело с дневником, случайно утерянным, не предназначенным для постороннего глаза. Есть книги, которые написаны для других, их пишут люди, которые имеют что сказать другим. А все, что пишет В. Быховец, создается такое впечатление, он пишет для себя: это его единственное спасение. Чувство тревоги не покидает тебя ни на минуту. Не покидает ощущение, что перед тобой огромная трагедия, трагедия борьбы талантливого человека со своим трагическим мироощущением, трагедия человека, героически пытающегося впрыснуть в себя оптимизм, тайком ото всех, даже от родных и близких...

Пишет ли он о природе или желает воскресить историю, все это — своеобразное гамлетовское «быть или не быть?». И природа и история (какой он ее хочет представить) говорят ему: «Быть!» Отсюда — «радости». Но радости-то «земные». Отсюда — грусть: не все еще совершенно в подлунном мире... Юня... Утрата дорогого... Утрата прекрасного... Она ранила детскую душу... Она навсегда сделала ее легкоранимой, впечатлительной душой поэта...

Нет Владимира Быховца, но есть его маленькая книжка, песнь его сердца, его любовь к жизни, трудная любовь к радостям земным. Острые иголочки поэзии ранят не одно благодарное сердце: чувство родит мысль... И если бы природа могла говорить, она тоже сказала бы «спасибо» этому человеку, почувствовавшему запахи весны,

увидевшему мохнатые звезды, подсмотревшему, как красавицы вербы охорашивались под солнцем и роняли с кончиков зеленых пальцев тяжелые капли на свое отражение. Это сказали бы и заря, что «слезы уронила», и каждый листок, веточка, подставляющая солнцу каплю живого хрусталика после дождя. И Мудрый Кавказ, приют поэтов, сказал бы это «спасибо».

Я не знала этого человека. Но я прочла его книгу, и мне захотелось положить на его могилу белую розу... за одну только Юню, девочку с фиалковыми глазами...